

направленных на их реализацию). В основном, к этому тренду относятся фрагментированные «ячейки» и инициативы ЛГБТ-сообщества: несанкционированные гей-прайды⁴, ежегодный Международный фестиваль квир-культуры⁵ и ЛГБТ Международный кинофестиваль «Бок о Бок»⁶, проводимый в Санкт-Петербурге, реализация программ по профилактике ВИЧ и СПИДа (к примеру, проект LaSky⁷). Своеобразными механизмами-катализаторами дискурса гей-идентичности являются специализированные интернет-порталы, контент коих варьируется от научно-исследовательской до досуговой информации, а также – организации общественно-политических дискуссий и социологических исследований. Кроме того, активно осваивается и такая ниша, как социальные сети и создание сетевых комьюнити в виде «групп», «сообществ» вКонтакте, Live Journal и т. п. В частности, в последнее время в Рунете проявляются мэмы «сочувствующих» (например, родительская группа Санкт-Петербургской ЛГБТ-организации «Выход», новосибирская ассоциация ГОРД – «Гомосексуалы, родители и друзья», сетевой дневник «Я – мама гея и горжусь этим» – alla1958.livejournal.com и пр.).

В целом, несмотря на дискурсивную диссипацию, в российском массовом сознании превалирует первый сценарий, дескриптирующий

«инаковость» в категориях «враждебности» и «интолерантности». Вторая и третья модель – эксклюзивны и, де-факто, незримы для большинства, поскольку каналы их артикуляции и коммуникации лежат вне публичного поля, а попытки привлечения общественного внимания – пресекаются и осуждаются официальными институтами.

Литература:

1. См.: Бовуар С., де. Второй пол. Т. 1 и 2. М.: Прогресс; СПб.: Алетей, 1997. – 832 с.
2. Дороговцева И. С. Лингвистический аспект отношения Я / Другой в философии XX века // Гуманитарный вектор. 2009. № 3. С. 87–90.
3. См., например: Фрай М. Некоторые мысли о сепаратизме и власти [Электронный ресурс]. URL: <http://www.feminist.org.ua/library/feminist/txt/fray.php>.
4. Инициатор – Николай Алексеев, 21 октября 2010 г. выигравший судебное разбирательство «Алексеев против России» в Европейском суде по правам человека. Европейский суд признал запрет гей-парадов 2006–2008 гг. в Москве грубейшим нарушением целого ряда статей «Европейской Конвенции по правам человека и основным свободам», а высказывания экс-градоначальника Ю. Лужкова (а-ля «гей-парады – дело сатанистов») интолерантными.
5. Сайт Международного фестиваля квир-культуры [Электронный ресурс]. URL: <http://www.queerfest.ru/>.
6. Сайт ЛГБТ Международного Кинофестиваля «Бок о Бок» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bok-o-bok.ru/>.
7. Сайт проекта «La Sky» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lasky.ru/>.

Романов А. В.

ДИСКУРС ТЬМЫ, ИЛИ АНОНИМНЫЙ САТАНИЗМ

Романов
Андрей
Владимирович

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург

E-mail:
andrei.v.romanov@
gmail.com

Introduction Будучи индивидуально, мотивационно «многообразной» (В. Джемс), религия может приносить как пользу, так и вред. Вера в Бога – в зависимости от символизируемых Им ценностей – пробуждает в человеке как добро, так и зло. Идя путем религиозности, человек воплощает образ не только Бога, но, зачастую, и Сатаны. Философия религии невозможна без того, чтобы не потревожить устоявшиеся представления о священном, без «оскорбления религиозных чувств». Постмодернистская деконструкция устраняет абсолютность и сакральность любой религии, любого образа Бога.

Identitatis religiosum Конфессиональные формы религии отличны от религиозности индивидуальной. «Религиозность», отражая невроты, устремления, ценности нации и отдельного человека, являет собой личностную, феноменологическую проекцию объективированных конфессиональных символов в восприятии индивида или группы. Наряду с конфессиональной универсализацией осуществляется процесс персонализации религиозности, отхода от всеобщих для всех систем, когда каждый, как отмечает В. Франкл, может общаться с Богом на собственном индивидуальном языке¹. Религиозная индивидуальность определяется «синтезом», единством субличностей. Религиозные субличности² – динамические подструктуры личности, отличающиеся самостоятельностью потребностей, мотивации, поведения. Они обладают собственным – жизненным стилем, представлением о Боге, грехе, «истинной религии», атеизме, парадигмой сакральности и спасения. Их основная функция – адаптация к предельным ценностям, т.е. сфере сакрального. В каждом человеке существует не только три человека: языческий, ветхозаветный и новозаветный³, таковых религиозных субличностей, конечно, гораздо больше. В парадигме религиозного синтеза выделяются основные типы индивидуальной религиозности: религиозность дефицитарная (языческая), закона, авторитарная, страдания (мазохизма), гуманистическая, духа, мистическая, святости. И среди них – религиозность сатанизма или деструктивная.

Axiology Все значимое превращается в предмет религии. «Ультимативные» ценности священны. «Вера, – пишет П. Тиллих, – обладает истиной в той степени, в которой она отражает предельный интерес». Истина веры не связана с истинами историческими, философскими, научными⁴. Истина веры – не гносеологическая, но аксиологическая и экзистенциальная. Эмоциональные вскрики, детский плач – первородная форма молитвы. Устойчивые, невротические состояния психики тяготеют к религиозной форме проявления. Религия – объективированная и символически выраженная форма психологии.

Neurosis Религия порождается крайним чувством недостаточности предельно для че-

ловека значимого. Невроз как личностная проекция фрустрированности той или иной потребности ориентирован на выделение сверхзначимого. Не «невроз есть индивидуализированная форма религии» (З. Фрейд, Э. Фромм, В. Райх, К. Хорни), но религия есть символическая, теистическая форма невроза. Невроз – орган восприятия сакрального и основа служения ему. Перефразируя Сартра, мы можем сказать: у каждого человека в душе дыра и человек заполняет ее образом Бога. Религиозность не является ни постижением (тем более «высшим») действительности, ни «предельным» основанием человеческой жизни. «Мудрость» Бога является следствием человеческого чувства неуверенности и страха, пребывая по ту сторону «горизонта мысли». Любая невротическая личность пребывает в метафизической, трансцендентной реальности, слишком часто проявляемой в религиозной форме. Смыслы и образы, проецирующие эту реальность, образуют когерентную систему несомненных аксиом (корреляция с которыми рассматривается в качестве критерия истины). Беда в том, что доказательством религиозной истины мы склонны считать численность ее сторонников.

Во фрустрационной сфере, характеризующей основания любой религии, закладываются основания деструктивности. Невротическая личность остается «базикальным» эгоистом, ориентируясь в своем поведении не на внешние условия и ожидания другого человека, а на собственные устойчивые состояния психики. Она лишена «социального чувства», которое может быть привито лишь в виде внешней (опять же фрустрирующей) нормы. Невротическое поведение есть форма регрессии к более ранним, незрелым, архаичным, Id источникам мотивации. Невротичность тождественна агрессивности. Оба эти состояния проистекают из одного основания – фрустрированности потребностей. Любая форма набожности изначально связана с агрессией.

Aggredi Религия, выступая формой рационализации устойчивых состояний психики, сакрализует «обсессивные» ценности и установки, в том числе и агрессию. Самое изверское преступление – в силу навязчивости его психических оснований – отождествляется

с формами нравственности и сакральности. Лозунг «С нами Бог!» снимает остатки гнета Супер-Эго с подавленных аффектов. Если есть Бог, то все дозволено.

Necrophilia Некрофилические символы сатанизма явно отождествляются с соответствующей символикой христианства и других религий. Череп (и кости) как символический образ максимы «*momento mori*» и понимания смерти в качестве основы спасения – объединяет христианство и сатанизм. Смерть наиболее тесно ассоциирована с Богом – по атрибуту всемогущества. Религия превращается в апологию суицида, неприятия жизни. «Смерть – души простор». Самоубийство рассматривается как ритуал жертвоприношения, ритуал инициации, перехода, возвращения к Богу, к началам бытия. Сам Бог учит суициду. Посюсторонняя жизнь в Боге и трансцендентная блаженная жизнь определяются смертью Христа⁵. Смерть становится единым атрибутом для Бога и Сатаны. «Смерть Бога» определила обыденность концептуальной реальности смертей: «Культуры», «Автора», «Истории», «Философии», «Человека».

Satanism Мотивационными атрибутами сатанизма являются: разделённость, зло, чувство бессмысленности, обесценивание мира, жизни и человека, ложь, манипулятивность, цинизм, аморализм, склонность к убийству и самоубийству, деструкции, агрессия. «Сатана, – замечает ведущий «теолог Смерти Бога» Т. Альтицер, – это сила, подавляющая человеческую энергию и останавливающая развитие»⁶. Сатана, как символика и опредмеченность греха, есть сила, подавляющая самоактуализацию личности. Атрибуты – как космологические, так и мотивационные – отражаются во множественности имен Бога и Сатаны. Самоактуализированности личности, тождественной состоянию «истинной веры», «святости»⁷ противостоит негативная самоактуализация, когда вместо принятия мира и человека формируется их отрицание, вместо абсолютизации значимости человека (веры в него) – цинизм⁸. Идея «дьявола», подчеркивает В. Райх, есть выражение искажения природы и психики человека⁹.

Бюрократизация религиозности, по мере усиления в структуре личности фарисейского начала, сферы Супер-Эго, Персоны и соответствующего «культурного» подавления социально неприемлемых влечений, ведет к усилению – «в тихом омуте» – потенциала Оно, Тени. Зло, по мере его вытеснения из сферы сознания и «накачки» им бессознательного, начинает определять полноту мотивацию. Восприятие бессмысленности и недостойности мира выступает формой проекции собственного агрессивного, связанного с неприятием самого себя, состояния. Такой человек «... смотрит из зла, – отмечает И. А. Ильин, – и видит зло; и приучается не видеть кроме зла – ничего...»¹⁰. В христианстве обсессивные состояния истерии и агрессии при потере самосознания отождествляются с «одержимостью дьяволом». Такие состояния, особенно во внеатеистической форме, классифицируются как невменяемые с соответствующим устранением юридической ответственности. Деструктивная религиозность противостоит цивилизованности, сакрализирует примитивизм, варварство, жестокость. Она отрицает социальную религиозность истеблишмента, конформизма и осуществляется в качестве «подчиненной функции» (Юнг) в качестве «обратной стороны» единой общечеловеческой религиозности: чем больше бюрократизма, тем больше сатанизма. Действие деструктивно-теневого в человеке многообразно. Актуализация подчиненных психических функций, Тени, Оно способствует раскрытию творческого начала и самоактуализации личности. (Сатана архетипично предлагает успешность в человеческих делах и науках). Проявление разрушительных, ориентированных на принцип удовольствия, бессознательных инстинктов снимает страх перед Оно (и соответствующий тип тревоги). Сакральная ритуализация нарушения социальных табу устраняет дискомфортное чувство вины, совести и стыда, устраняется страх Я перед Сверх-Я. Агрессия в отношении мира является реактивной формой страха перед ним, тем самым подавляется страх перед требованиями реальности. В гармоничной личности, и «здоровом обществе» ритуализированная,

подчиненная внешней норме религиозность компенсируется деструктивными проявлениями (карнавалы, обильные застолья после поста, коллективные вакхические действия).

В парадигме сатанизма зло теряет субъективный характер, выступая формой прорыва в структуре личности трансцендентной сатанинской «самости». Зло является архетипом деструктивности. Помимо условных в душе человека, существуют структуры зла и безусловные, трансцендентные и трансцендентальные. Среди старообрядцев федосеевцев и керженских авторов сформировалась идея «духовного антихриста», невидимого, не представленного отдельной личностью начала мирового зла, проявляемого уже зримо в мотивации конкретных людей¹¹. Зло становится не случайным, но необходимым и фатальным. Проявление этого объективного начала и служение ему обретает религиозный смысл. В каждом человеке соположены доктор Джекил и мистер Хайд. В каждом человеке его повседневная деятельность клерка, священника, учителя отделена от мотивации «подпольного сатанизма».

Сатанизм – сакрализация тёмного начала в человеке, первичного уровня потребностей, жажды земных наслаждений и деструктивности. Согласно «теологии тьмы», варварства, сексуальности, агрессии следует не стыдиться, но всячески культивировать в человеческой душе. Жизнь коротка, и надо успевать срывать земные радости. Как пишет Д. Мережковский: «Люблю я зло, люблю я грех, люблю я смрад земных утех». Полагается, что христианство лживо и противостоит природе человека. Сатана выступает врагом ханжества и лицемерия. Добро носит навязанный, нормативный, условный характер. Зло же в силу безусловности свободно. Сатанинское начало в человеке наиболее естественно и могущественно. Человек – мерзкое животное. Бога нет ни в человеке, ни в окружающем мире. Сатанизм монистичен: исходит из наличия не двух дуальных, равноправных манихейских начал – добра и зла, но единой субстанции зла в основании мира и человеческой души, на фоне которой сам Бог становится «попугаем Сатаны». Бог подчинен

дьяволу, который контролирует осуществление Его атрибутов в мире. Иудо-христианский Бог выступает орудием сатанинского промысла. Дьявол пользуется символами Бога и церкви в достижении своих деструктивных целей. Христианство отвергается за ограничения в удовлетворении первичных потребностей, подавление либидозных и деструктивных инстинктов. Что ассоциируется с подавлением сущности человека. Сатанинское антихристианство проявляется в форме антиклерикализма. Историческое христианство отвергается за отход от евангельских ценностей. Философия сатанизма весьма полно представлена в ницшеанстве. Распятый Христос символизирует проповедь слабости и извращение человеческой сущности.

Последовательный разум – лишенный аксиологической веры – приходит к утверждению «антиинтеллектуального» экзистенциализма: жизнь побеждается смертью, существование лишено смысла и переполнено абсурдом, мир чужд человеку, высшие ценности недостижимы. Отчуждение миру и людям проецируется в идее заброшенности личности в метафизическом Ничто, в «пустыне», там, «где небо и лед». Для такого человека все люди – «твари», лишённые святости, а весь мир состоит из «чужих». Апофатическая теология Ничто, вера в Ничто как форма веры в Сатану является экзистенциальным источником зла. В идеологии сатанизма добро – не субстанция, а произвольное состояние человека, иллюзия, оно иррационально и бесполезно. Но оно может проявляться тогда, когда становится выгодным в достижении эгоистичных целей. Причиной добра выступает прагматическая ориентация личности. Добро и его символы (как и символы религиозные и церковные) рассматриваются в качестве наиболее эффективных средств манипуляции в достижении власти и денег. Манипуляция включает в себя ложь. Христос называет дьявола «отцом лжи» (Иоан. 8: 44).

Апокалиптическая религия выдвигает веру в Сатану или в Антихриста, в онтологическую силу зла, которая представляет противоположность вере в доброго Творца¹².

В древней апокалиптике поражение Сатаны предваряется его выраженным проявлением в социуме и истории.

Могущественный и «справедливо» мстительный Бог Отец, отвечающий за удовлетворение первичных потребностей в здоровье, деньгах, сексуальности, власти, к тому же еще, как явствует из Ветхого Завета, гомофоб (Садом и Гоморра), националист, осуществляющий массовый геноцид (Потоп), как бы Он не назывался, атрибутивно отождествляется с Сатаной. (Мы всю жизнь молитвенно звоним по телефону Всевышнему с просьбой о здоровье, карьере. На том конце нам отвечают: «Да-да! Это Я – твой Господь!» А потом через много лет выясняется, что это был Сатана). Проявления самодостаточной сексуальной, некрофилической, деструктивной мотивации усиливается восприятием их в качестве формы служения всемогущему сатанинскому началу. У. Блейк в произведениях «Мильтон» и «Иерусалим» первым наиболее откровенно говорит об отождествлении (по ряду основных атрибутов) Бога с Сатаной. Не только историческая церковь осуществляет деструкцию, грех, но и трансцендентный Бог является как Сатана. Мотивационный, «анонимный» (вспоминая К. Ранера) сатанизм гораздо более распространен, чем сатанизм «конфессиональный» (и, конечно, гораздо менее заметен). Разрушение медицины, образования, интеллекта, нравственности, пестование коррупции в качестве основания «вертикали власти», «патриархи-олигархи» с мигалками, богатая церковь в нищем государстве, культурный геноцид, тотальные манипуляция и ложь, культ наживы – слишком знакомые атрибуты «анонимного» сатанизма и богооставленности России. Церквей все больше – Бога все меньше. Пустопорожние социальные, экономические, образовательные формы противоположны «беременной пустоте» буддистской шуньяты. Хаос – социальный, экономический, нравственный – есть атрибут смерти Бога. В России складывается ситуация, при которой Сатана, далеко не без пророческого «соратничества» официальных власти и церкви, может объявить: «Я Бог един». Сатанизм как мода и религия есть

символическая форма проявления и рационализации чувства бессмысленности существования, суицидальности, депрессии, агрессии. Тех состояний, которые являются мотивационными атрибутами Сатаны и которые усиливаются в душах россиян.

Литература:

1. См.: Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. С. 337.
2. См.: Романов А.В. Парадигма религиосинтеза // Психологические проблемы развития и существования человека в современном мире: Сборник науч. трудов // отв. ред. С.А. Минюрова, Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2009. – 186 с. – С. 89–111.
3. См.: Еротич В. Психологическое и религиозное бытие человека. – М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2004. С. 143.
4. Тиллих П. Динамика веры // Избранное: Теология культуры. – М.: Юрист, 1995. С. 195, 194.
5. Барт К. Послание к Римлянам. – М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2005. С. 132.
6. Альтицер Т. Смерть Бога. Евангелие христианского атеизма. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 78.
7. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. – СПб.: Евразия, 1999. С. 90.
8. Проведенные исследования показали, что уровень агрессии одной из групп сатанистов г. Екатеринбурга (выборка – 30 человек) превышает средне-статистический в контрольной группе на 20%. Показатели чувства вины оказались занижены более чем в 2 раза, что является критерием невыраженности Супер-Эго, доминанты эгоцентризма, выраженной аморальности, отсутствия «социального чувства». Более чем на 25% проявились такие характеристики личности как «доминирующий» (соперничество, чувство превосходства), «нетерпимость к критике», «недоверчивый» (недовольство окружающими, подозрительность), «раздражение», «обида» (зависть и ненависть к окружающим). (См.: Козорезова Н.А., Романов А.В. Психология сатанизма. – Екатеринбург: УрГПУ, 2000).
9. Райх В. Анализ личности. – М.: «КСП+»; СПб.; 1999. с. 247.
10. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. В 2-х томах. – М.: Рарогъ, 1993. С. 228.
11. Антихрист (Из истории отечественной духовности): Антология. – М.: Высшая школа, 1995. С. 6.
12. Альтицер Т. Указ. соч. С. 78.